

332
л. 12

Писатель и время

Геннадий Падерин

**ТАШТАГОЛЬСКАЯ
ИСТОРИЯ**

338

5712

Геннадий Падерин

ТАШТАГОЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

43510 -

Центральная библиотека
им. А. С. Пушкина
Дворца культуры
Пензенск. К. интел. Комар обл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1974

Все книги писателя-документалиста Геннадия Падерина (а их вышло больше десятка) посвящены Сибири — ее людям, ее новому, преображенному облику. Писатель стремится показать Сибирь в движении, со всей «дорожной неустроенностью», с проблемами, трудностями и, конечно, с победами.

Предлагаемый вниманию читателей очерк продолжает ту же линию. На этот раз писатель остановил свое внимание на достижении горняков одной из сибирских шахт, достижении, благодаря которому — впервые в истории горного дела — подземная добыча полезных ископаемых может стать доступнее, дешевле, нежели при открытом, карьерном способе их извлечения из недр земли. Недаром эту шахту нарекли в Сибири шахтой будущего.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

БОНДАРЕВ Ю. В., БЛИНОВ А. Д., БЕНЕНСОН А. Н.,
ВИКУЛОВ С. В., ДАВИДОВ И. В., ИВАНОВ А. С.,
МЕДНИКОВ А. М., НЕФЕДОВ П. П., РАДОВ Г. Г.,
ЧИВИЛИХИН В. А., ШАПОШНИКОВА В. Д.

П 70302—122
М—105(03)74 —инф. 74

© Издательство «Советская Россия», 1974 г.

Довелось как-то услышать байку: однажды некая дама, познакомившись с великим Эйнштейном, любопытствовала, как тому удалось открыть законы, которые послужили основой для создания знаменитой теории относительности; ученый якобы пошутил в ответ, что все произошло из-за его неосведомленности: существовало совершенно твердое убеждение, будто ничего подобного в природе быть не может, однако ему, Эйнштейну, это общепринятое мнение известно не было, поэтому он начал свои поиски и...

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок...

ЛУННЫЙ ПЕЙЗАЖ НА ЗЕМЛЕ

— Зачем же тогда было поднимать «восстание»?

Слишком громко сказано: «восстание»! Просто мы увидели, что имеем возможность оградить ее в какой-то мере от ран.

Кого ее?
Землю-матушку...

Детство мое прошло в одном из шахтерских городов Кузбасса — Анжеро-Судженске. В памяти остались огромные терриконы — конусообразные горы отвалов возле угольных шахт: пустая порода, горючие сланцы, ан-

трацитная пыль. Над ними всегда курчавился сизый дымок, вокруг расплзался едкий запах серы. Они были неотъемлемой частью города, своеобразной его эмблемой.

В памяти остались вечно дымящиеся терриконы, в сердце — чувство, каким была проникнута, можно сказать, высвечена вся атмосфера городской жизни: чувство трепетного уважения к профессии горняка. Уважения и даже в некотором роде преклонения. И не только оттого, что эти люди обеспечивали страну столь нужным ей топливом, но и потому еще, что труд горняка был очень тяжелым и очень опасным, требовал не одной лишь физической, но и большой духовной крепости.

Конечно, чтобы получить полное представление о шахтерской доле, надо бы самому какое-то время «порубать уголек», однако и обычная экскурсия помогла мне в ту пору в достаточной мере оценить условия подземного труда. Пробираясь по узкому лазу забоя, где от клыкастых черных сводов веяло промозглой сыростью, а под сапогами хлюпали нескончаемые лужи, вслушиваясь в глухое потрескивание полукилометровой толщи над головой, выталкивая время от времени из рта вязкие от угольной пыли комочки слюны, я думал о людях, для которых все это было будничной повседневностью. И пытался утешиться мыслью, что инженеры и ученые ищут и, конечно же, найдут способы добывать солнечный камень так, чтобы труд этот тоже стал солнечным.

Потом, годы спустя, судьба привела меня на Черемховский угольный разрез, что в сотне километров от Иркутска. Я увидел огромную продолговатую ямину, в которой деловито копошились экскаваторы, сновали самосвалы. Толстенный слой земли вместе с кустарником, с травой был на большой площади начисто срезан и вывезен, и под ним открылся черный, жирно лоснящийся

пласт того самого солнечного камня. Взрывчатка дробила край целика, ковши экскаваторов подхватывали полными пригоршнями черные ребристые куски — наполняли кузова самосвалов.

Был ясный летний день, но солнце не палило, а лишь ласково напоминало, что можно снять пиджак и даже рубашку и вдоволь понежиться в его лучах, как нежилась неподалеку от карьера синеглазая красавица Ангара. Ветерок наносил с Ангары особенный, только ей присущий запах моря — видно, он тянулся за нею, будто шлейф, от самого Байкала, и благодаря этому запаху, да еще жаворонку, заходившемуся высоко в небе школьным звонком, возвещавшим конец уроков, земной простор казался необъятным. И в этой необъятности, под этим солнцем, воспетое жаворонком, размеренно работало с отлаженной неторопкостью огромное угледобывающее предприятие. И никаких терриконов тебе, штреков, забоев, никакого мрака и сырости, никаких сводов, никакой толщи над головой и непреходящего чувства опасности, стерегущей за каждым углом.

Помню, я подумал тогда, что, пожалуй, это идеальное решение проблемы — добывать уголь и все иные полезные ископаемые, не вкапываясь в землю, а вскапывая ее, добывать из-под земли — с земли.

И потом, встречая в печати все более частые сообщения о вновь открывающихся угольных и рудных разрезах, я радовался победоносному шествию новой технологии. Радовался с тем большим основанием, что, как выяснилось, она несла с собой, помимо облегчения горняцкой доли, еще и существенные экономические выгоды: производительность груды при открытом способе добычи полезных ископаемых в 7 — 8, а в иных случаях и в 10 раз выше, чем в шахтах.

Словом, у меня сложилось по этому вопросу, говоря

канцелярским языком, вполне устоявшееся мнение — этакая глыба, которая прочно опиралась на другую, еще более могущественную глыбу, называемую общепринятой точкой зрения. С этими вот глыбами за пазухой я и пришел в Институт горного дела Сибирского отделения Академии наук СССР. Целью визита была встреча с профессором Дубыниным, который, как мне стало известно, поднял «восстание» против открытого способа добычи полезных ископаемых. Меня интересовало, что послужило поводом для «восстания», каковы силы «восставших», насколько прочны их позиции. И потом: восстание восстанием, а что взамен?..

На третьем этаже, в просторном, наполненном устоявшейся тишиной коридоре, я отыскал дверь с табличкой:

«Лаборатория методов извлечения рудных ископаемых. Зав. лабораторией проф. Н. Г. Дубынин».

Едва ли не третью часть небольшого кабинета профессора занимал письменный стол. Его размеры были вполне оправданы тем количеством рукописей, научных журналов, папок с тесемками и папок без тесемок, что громоздились на нем несколькими стопками. Но центральная часть столешницы оставалась свободной — там лежал лишь развернутый номер «Правды». Я взглянул на число: 1 июня 1973 года.

— Читали? — накрыл профессор большой ладонью газетный подвал, отсеченный от остальной страницы длинной строкой заголовка «Там, где добыта руда».

Читал: в статье рассказывалось об опыте Орджоникидзевского горно-обогачительного комбината на Украине, где ищут пути совершенствования открытых горных работ Открытых! Я поспешил достать блокнот, готовый зарисовать те стрелы, что сейчас пустит в расположение противника руководитель «восстания».

Но колчан остался закрытым. Профессор похлопал ладонью по газете и сказал:

— Молодцы!

Нет, никакой иронии, никакого снисхождения — честное признание факта. И чтоб не осталось сомнений, повторил убежденно:

— Молодцы!

Рослый, крепкий, с упрямым ежиком седеющих волос и упрямым подбородком, он выглядел намного моложе своих 58 лет. Во всяком случае, о нем нельзя было сказать, что ему под шестьдесят — просилось другое: за пятьдесят. Впечатление это усиливалось напористой энергией, какая сквозила в каждом жесте, в словах, даже в улыбке. Такой вот напористой, зовущей присоединиться улыбкой он и сопровождал свое «Молодцы!».

Во мне всколыхнулось вполне естественное недоумение:

— Зачем же тогда было поднимать «восстание»?

— Слишком громко сказано: «восстание»! Просто мы увидели, что имеем возможность оградить ее в какой-то мере от ран.

— Кого — ее?

— Землю-матушку...

Он поднялся из-за стола, прошел в угол комнаты — к шкафу, стеклянные дверцы которого были заклеены изнутри бумагой. Порылся в скрытой от посторонних глаз утробе шкафа, извлек пачку фотографий.

В общем-то на них на всех было изображено одно и то же место — разными были точки съемки. Выделялся снимок, сделанный панорамной камерой: ясный летний день на исходе, косые лучи солнца образуют длинные-длинные тени, и оттого особенно рельефно проступают мрачные контуры глубокой, на километры протянувшейся, рваной раны на теле планеты. Безжалостно вспоро-

тое, оно на всем этом пространстве превратилось в пустыню. Но обычные пустыни наполнены жизнью, здесь же — и это особенно бросалось в глаза! — весь огромный, искромсанный, черный каньон был пугающе мертвым.

Почему-то вспомнился Пушкин:

К нему и птица не летит
И тигр нейдет лишь вихорь черный...

— Откуда у вас лунный пейзаж?

— А что, и впрямь похоже. — Профессор отнес снимок подальше от глаз, сощурился, усмехнулся сумрачно. — Это один из отработанных угольных разрезов в Кузбассе.

Вот она, обратная сторона медали. Я невольно оглянулся мысленно на тот, далекий уже, солнечный день, когда знакомился с работой Черемховского карьера. Чувство праздничной приподнятости осталось в душе, свет и тепло сопровождали тогдашние впечатления. А ведь шрамы на теле земли были едва ли меньшими, чем на этих снимках. Почему же они остались за пределами внимания? Или их приукрасило солнце, заслонили своей жизнью морской ветерок с Ангары, жаворонок в полуденном небе?..

— После открытых разработок повсюду остаются такие вот мертвые пустыри, — продолжал Дубынин, взмахивая зажатой в пальцах фотографией. — Промышленная пустыня...

У меня на языке вертелся вопрос: почему же, в таком случае, он, Дубынин, назвал молодцами украинских рудокопов, предпочитающих открытый способ добычи полезных ископаемых? Словно прочитав мои мысли, профессор, как и давеча, похлопал большой ладонью по газетному подвалу

— И что главное: самой природе не под силу вдох-

нать в такую пустыню жизнь, тут требуется активная помощь человека. Как раз на Орджоникидзевском комбинате это хорошо поняли...

Да, припоминая содержание статьи, я подумал: если смотреть с этой точки зрения, орджоникидзевцев действительно можно назвать молодцами. Дело в том, что верхний, плодородный слой почвы, который приходится снимать, чтобы добраться до руды, здесь поначалу пытались спасать, вывозя на склады, сохраняя, как бесценное сокровище, в мешках. Однако при таком размахе работ, как на Орджоникидзевском комбинате, где чернозем срезается на многих квадратных километрах степи, «мешочный» способ оказался чрезвычайно дорогостоящим, чернозем, возвращаемый впоследствии в отработанные карьеры, подтягивался в цене чуть ли не к золоту. Поэтому-то здешние горняки и стали искать и нашли вынимаемый из карьеров слой чернозема складировать в буртах. Как выяснилось, он не теряет при этом своего плодородия.

Припомнив все это, я сформулировал естественный, как мне представилось, вопрос:

— Выходит, если бы на всех карьерах нашей страны последовали примеру орджоникидзевцев, не было бы нужды восставать против метода открытой разработки, как такового? Проблема свелась бы к борьбе против отдельных личностей, которые не поняли еще необходимости беречь природу?

Дубынин усмехнулся, подвигал своим упрямым подбородком.

— Видите ли, таких, кто не понял, сейчас уже нет. Есть такие, кто не делает. И, к сожалению, свести их количество до «отдельных личностей» никак нельзя. Не делают же в основном потому, что слишком хлопотная и слишком дорогостоящая операция. Особенно когда

глубина карьеров приближается к узаконенному пределу, а это — ни много ни мало — полкилометра! Ведь и сами орджоникидзевцы пока восстановили всего лишь около пятисот гектаров земли, тогда как разрушены карьерами десятки тысяч гектаров...

Десятки тысяч гектаров в границах одного комбината! Сколько же в таком случае пашни, сенокосов, лесных участков, сколько первозданной, дарованной людям красоты «съели» карьеры в масштабах всей страны?

Профессор не располагал такими данными. Возможно, подобного погектарного учета не ведется вообще. И все же я получил представление о размахе открытых разработок, когда Дубынин сообщил мне, что в настоящее время с помощью этого способа у нас добывается 25 процентов каменного угля, 77 процентов железной руды, 64 процента руд цветных металлов, 47 процентов горно-химического сырья, 100 процентов неметаллических ископаемых и строительных материалов.

— При этом нужно иметь в виду объемы: страна ежегодно извлекает из недр земли до миллиарда тонн одних лишь твердых веществ. Конечно, это в общей сложности: и открытым способом и в шахтах. Но ведь миллиард тонн! Миллиард, не считая нефти! Ежегодно!

Он помолчал, давая мне время осмыслить сказанное, потом придвинул поближе к себе газету, пошарил глазами по колонкам статьи.

— А теперь посмотрите, что здесь пропагандируют орджоникидзевцы...

Ткнул пальцем в один из абзацев, принялся читать вслух:

— «Внедрение карьерной добычи марганцевой руды помогло решить одну из важнейших проблем — ликвидировать тяжелый подземный труд. В 1974 году у нас закрывается последняя рудная шахта...»

Поднял на меня отягощенные упреком глаза, точно это мне принадлежали процитированные строчки, буркнул:

— Закрывают последнюю шахту — и радуются: ликвидировали тяжелый подземный труд.

— Но это же — сама живая реальность!

— Правильно, сама живая реальность. Точно так, как и дешевизна карьерного способа. Поэтому-то всякий раз, как заходит речь о негативной стороне этого способа — о разрушении природы, сторонники карьеров прикрываются утешением неизбежные издержки производства. Зато, дескать, открытый способ улучшает условия труда, резко повышает его производительность, удешевляет добычу

— Прямо скажем, весьма весомые аргументы. И, если поместить на одну чашу весов их, а на другую — это...

Я кивнул на фотографии.

— Думаете, с одним этим оружием, — улыбнулся он, — мы бы рискнули поднять «восстание», как вы изволили выразиться?

Я молча ждал продолжения. Дубынин собрал фотографии, отнес их в шкаф. И спросил оттуда, от шкафа

— Приходилось спускаться в шахту?

Я рассказал об Анжеро-Судженске.

— После таких впечатлений, — сказал он, возвращаясь к столу, — карьерная добыча, конечно, покажется благом. Но все дело в том, что этим вашим впечатлением, как и всем тем аргументам, теперь имеется возможность противопоставить не только фотографии, не только эмоции по поводу гибнущей природы, хотя это также чрезвычайно весома, а следующий факт: мы нашли пути ликвидации тяжелого подземного труда на месте, то есть прямо там, под землей, в шахте. И добились того, что подземная добыча не уступает по своей производитель-

ности открытой. И она будет дешевле, чем открытая. Дешевле, понимаете?

Он смотрел на меня пристальным изучающим взглядом, словно проверял, оценил ли я в должной мере значение всего сказанного им.

— Даже на первом этапе,— счел он необходимым добавить,— на первых шагах нам удалось снизить себестоимость добычи руды в два раза.

Я сунул руку за пазуху Глыб, с которыми пришел сюда, там уже не было.

И тут произошло нечто поставившее меня в тупик: мой собеседник, только что изничтоживший эти самые глыбы, вдруг принялся их восстанавливать.

— Прониклись? — спросил он с неожиданной для меня горькой усмешкой.

— Проникся,— подтвердил я в недоумении.

— А теперь я вас разочарую: руководители, да и весь коллектив рудника, где мы поставили свой эксперимент, вовсе даже не обрадовались небывалому достижению...

Такое было выше моего понимания.

— Да, да,— продолжал Дубынин, вздыхая,— не обрадовались, а скорее даже наоборот. Собственно, и не могли обрадоваться. Суть этого парадокса... Впрочем, ухватить оную суть можно, лишь ознакомившись с историей вопроса. Начав, так сказать, с истоков...

И вновь я сунул руку за пазуху: нет, глыбы отсутствовали. Глыбы отсутствовали, но появился (а может, остался от глыб?) небольшой камушек. Покрутил я его в пальцах, покатав на ладони и, отворив окно, бросил с третьего этажа на мостовую. Но он не упал — спланировал, будто подхваченный тугой воздушной струей, и полетел над городом, оставляя за собой легкий серебристый след.

Стало ясно-понятно: мне предуготовано двинуться

по этому следу, уходившему за дальние леса, за высокие горы, не на юг, не на восток, а как раз посерединке между ними...

МЕТОД ПС

— Вы кто проходчик, забойщик, люковой?

— Научный сотрудник...

— А-а, значит, свободный человек. Держите вот метлу: поможете мне этот навоз убрать. Да шевелитесь же, не то как раз министр нагрянет!

Наверное, если порыться в архивах, можно было бы сосчитать, сколько плавков уже выдали доменные печи Кузнецкого металлургического комбината после той, исторической, что состоялась 3 апреля 1932 года. Да, можно было бы сосчитать, но не в этом суть — главное, что сибирский чугун, сибирская сталь, сибирские рельсы, сибирский прокат составляют вполне определенную часть фундамента, на котором покоится индустриальная мощь страны.

Кузнецкий комбинат, как известно, создавался из расчета, что кокс и уголь будут свои, местные, а железной рудой снабдит Урал. Урало-Кузнецкий комплекс. И долгие годы работал комбинат на магнитогорской руде, что доставлялась за две тысячи километров.

Тем временем геологи, обследуя сибирские недра, вышли на богатый рудный след, можно сказать, под боком у комбината — в заповедных таежных урманах Горной Шории. Вообще-то говоря, незначительные вы-

ходы руды были известны здесь еще до революции, велись даже разработки, однако месторождения промышленного масштаба удалось открыть именно теперь.

Комбинат расположен в Новокузнецке, Новокузнецк стоит на Томи-реке, а Томь под самым городом принимает в свои объятия одну из младших сестриц — звонко-голосую Кондому. Если пойти вверх по ее течению, говорливая речка приведет в самое сердце Горной Шории — к отрогам Абаканского хребта.

Туда, к истокам Кондомы, прорубаясь сквозь тайгу то по одному берегу, то по другому, лег от Новокузнецка рельсовый путь. Обосновались в железнодорожных тарифах звучные шорские названия Тельбес, Мундыбаш, Темир-Тау, Каз, Шерегеш, Таштагол. Пробудилась таежная глухомань, потревоженная грохотом рудных маршрутов.

Освоение горношорских недр принесло стране миллионы и миллионы рублей экономии: в шесть раз сократился путь железной руды к домнам сибирской металлургической житницы.

Конечно, не сразу, не в один присест перешли кузнецкие печи на местный паек. Тем более что начало этого перехода совпало с черной годinou в жизни Родины: первая большая руда на самом крупном из здешних рудников — Таштаголе была добыта месяц спустя после нападения на нас гитлеровской Германии — в июле 1941 года. Трудным был период становления горношорских рудников, не вдруг набрали они силу. Старожилы вспоминают, как здесь, на равных среди других «агрегатов», выступала обычная совковая лопата, на равных с лошадиными силами, коими измерялась мощность существовавших на рудниках механизмов, использовались и живые носители этих сил, на равных среди других звучала песня:

...А молодого коногона
Несут с разбитой головой.

Николай Дубынин посетил впервые Горную Шорию в 1953 году. К тому времени он успел пройти хорошую школу: был учеником электромонтера, электромонтером, рабочим на одном из бодайбинских золотых приисков, потом закончил Иркутский горно-металлургический институт, несколько лет работал на шахтах Урала и Сибири, а в 1946 году вплотную занялся научным поиском в стенах Института горного дела. И сюда, в рудную «глубинку», приехал тоже с научной целью: исследовать возможности совершенствования добычи руды подземным способом.

Странно, но эта первая поездка не оставила следа в памяти — были какие-то встречи, разговоры, экскурсионный спуск в шахту в Таштаголе, но все прошло, как бы скользнув по самой поверхности сознания. Зато последующие командировки помнятся в деталях, окрашены многоцветной гаммой впечатлений.

Но впечатления впечатлениями, детали деталями, а все же пищи для больших идей, чувствовал Николай Григорьевич, не хватает, решающие обобщения нуждаются в гораздо более обширном исходном материале. С таким вот чувством неудовлетворенности, гнетущего недовольства своей работой на рудниках — ее эпизодичностью, невольной обрывочностью, приехал Дубынин в очередной раз в Таштагол. Приехал, надел брезентовую робу, каску и спустился в шахту, спустился, а там — аврал, генеральная, что называется, уборка. ждут, оказывается, приезда Ивана Федоровича Тевосяна, который в то время был уже заместителем председателя Совета Министров СССР, одновременно продолжая исполнять обязанности министра черной металлургии.

В откаточном штреке Дубынину повстречался чем-то напуганный коногон, который вел в поводу полдюжину лошадей. Вслед ему кто-то кричал раздраженно:

— Да не вздумай мне в шахте спрятать: ненароком еще попадутся на глаза. В клеть их — и наверх, пусть на воле до завтра погуляют

Пропустив табунок, с неохотой трусивший за коногоном, Дубынин увидел в глубине штрека молодого проворного горняка с метлой и совковой лопатой. Он подбирал оставленные лошадьми шматки «пустой породы», ссыпал в большое ведро. Когда Дубынин поравнялся с ним, горняк, резко выпрямившись, спросил в упор:

— Вы кто — проходчик, забойщик, люковой?

— Научный сотрудник...

— А-а, значит, свободный человек. Держите вот метлу: поможете мне этот навоз убрать. Да шевелитесь же, не то как раз министр нагрянет!

Дубынин невольно рассмеялся.

— Если он — министр, так думаете, ему никогда в жизни конского навоза видеть не доводилось?

На лице горняка отобразилось презрение.

— Сразу видно чужака, — пробурчал он, — не болеете душой за шахту. А нам, поди-ка, обидно, что мы тут, в Сибири, на лошадином уровне еще перебиваемся — обидно и неохота этот уровень министру показать.

Дубынин не нашелся, что сказать, молча протянул руку за метлой.

Технология была несложной: горняк подставлял лопату к очередной кучке, Дубынин водворял с помощью метлы оную кучку на совок и подносил ведро. Так они дошли почти до самого ствола шахты, совсем немного уже оставалось, — и тут он нагрянул, министр.

А штрек же был совершенно пустой — заранее всех предупредили, чтоб без особой нужды тут не появля-

лись,— и в этом пустом штреке они двое, с лопатой, метлой и ведром, выставились, как на сцене. Только с той разницей, что сцена имеет кулисы, за которыми можно укрыться.

— Здравствуйте, товарищи,— сказал с легким кавказским акцентом Тевосян, сопровождаемый группой работников министерства и руководителями рудника.

Смущенный Дубынин и его новый знакомец, ответив на приветствие, потеснились к стене штрека. Однако министр не спешил пройти.

— Вы что, конюхами здесь работаете? — обратился он к ним.

— Я горный мастер,— не очень внятно пробормотал горняк.

Дубынин молчал, сознавая всю нелепость ситуации. За него ответил из-за спины министра директор рудника Семен Иванович Дегтярев.

— А это Николай Григорьевич Дубынин, научный сотрудник Института горного дела из Новосибирска.

Тевосян с любопытством поглядел на Дубынина, потом бросил насмешливый взгляд на Дегтярева.

— Кто-то мне говорил, что лошади в шахте уже не используются?

Тот молчал, потупившись.

— Бедность в самом голом виде надо министру показать,— продолжал Тевосян,— показать и потребовать, чтобы министр помог, а вы пытаетесь спрятать ее, да еще и ученого в помощь привлекаете. Как будто он не найдет лучшего применения своим силам!

И заговорил с Дубыниным.

— Значит, вы из Новосибирска? А здесь часто бываете?

И снова, пока Дубынин собирался с мыслями, за него поспешили ответить из-за спины министра:

— Меньше дома живет, наверное, чем у нас.

Тевосян вскинул руку, как бы говоря, что его интересуют ответы самого ученого. Дубынин подтвердил:

— Да, довольно часто бывать приходится.

— И что, уже родились какие-нибудь идеи?

— Так, по мелочам. По отдельным элементам технологической цепочки. А общее...

— Общее пока не ухватывается? — подсказал Тевосян. — Не отчаивайтесь, на это нужны годы. А скажите, Николай Григорьевич, кто вам здесь, на месте, из числа работников рудника помогает?

— Да никто не отказывается...

— Вы не поняли меня: я имею в виду не просто содействие, а участие на равных в вашем научном поиске. Есть такие люди?

Дубынин почувствовал, что не может удержать довольную улыбку: получалось, у него одинаковые с министром мысли по поводу организации научной работы на рудниках. Позабыв о нелепой метле, о ведре, которое продолжало оттягивать руку, не думая, что, быть может, злоупотребляет временем министра, он принялся рассказывать о создаваемой вот как раз теперь совместной исследовательской или, как ему еще хочется ее назвать, научно-производственной группе. Она формируется из числа специалистов рудника (четыре-пять человек) и научных сотрудников Института горного дела (один-два). Итого — целый, можно считать, батальон рыцарей науки. От института в данном случае будет пока один он, Дубынин. Естественно, по-прежнему наездами. Группе, освобожденной от всех иных дел, предстоит заниматься опробованием и внедрением новой техники, разработкой рекомендаций для создания новой технологии, проведением необходимых опытов, обучением авангардного звена рабочих навыкам применения новой технологии...

— Институт зачисляет всю группу в свой штат? — живо поинтересовался Тевосян.

— Нет, Иван Федорович, — донесся из-за спины министра голос Дегтярева, — группа будет в штате рудника, на полном нашем содержании. За институтом — научное руководство.

— Вот это правильно, — поддержал Тевосян. — Надо, чтобы здесь, на руднике, эти люди воспринимались как свои, только тогда можно ждать результатов, только в этом случае будет действовать предложенный Николаем Григорьевичем метод...

Он помолчал, на мгновение задумавшись, добавил с ободряющей улыбкой:

— Метод ПС — Подумаем Сообща. Так, Николай Григорьевич?

— Так, Иван Федорович, — кивнул Дубынин.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ «РОЗЫГРЫШ»

— А что, если?..

У нас все подсчитано.

Но вы хотя бы отдаете себе отчет, что в случае провала посадите на голодный паек кузнечные домны?

Понимаем...

Из окна гостиничного номера хорошо видны два огромных колеса на верхней площадке копра шахты, на высоте 25-этажного дома. Они одинакового размера, одинаковой формы (со спицами, как у тележных колес) и оба в непрерывном вращении: от мелькающих спиц рябит в глазах. И только одно у них отличие: вращаются колеса в разные стороны. Иными словами, если спи-

цы одного в данную минуту торопятся по ходу часовой стрелки, то спицы второго непременно пойдут против, чтобы в следующую минуту, после небольшой паузы, проделать все наоборот

Назначение у этих колес-блоков простое: перепускать через себя толстенный канат с привязанным к нему скипом — железным ящиком, в котором поднимают из шахты руду

Колеса попеременно вращаются то в одну, то в другую сторону, и, послушный их воле, скип то ныряет на полукилометровую глубину — на самое дно шахтного ствола, то, нагруженный рудой, взлетает вверх. Вниз — вверх, вдох — выдох, и при каждом выдохе по двадцать пять тонн от земных щедрот.

Мелькают спицы, крутятся колеса — днем и ночью, не зная передышки, с противоречащей законам природы неутомимостью вечного двигателя. И это — как пульс шахты, как зримое проявление той жизни, которая ни на один час не замирает в земных глубинах.

Всякий раз, приезжая в Таштагол, Дубынин просит администратора гостиницы поселить его в комнате, из окна которой видна была бы шахта. И каждое утро, еще не умывшись, еще не сняв электробритвой щетину со скул, он спешит к окну, чтобы бросить короткий взгляд на верхнюю площадку копра.

Вообще-то говоря, ему и без этого прекрасно известно, что шахта живет, дышит — не может не дышать! — однако лишь увидев мелькающие спицы, он обретает душевное равновесие. Такое стало потребностью, произвольным, подсознательным ритуалом.

В это утро он подошел к окну с особым чувством. Сегодня, первого апреля 1971 года, будет решаться судьба новой технологии, и еще никто не знает, станут ли в привычном ритме крутиться колеса к концу дня.

Больно уж смелый они задумали эксперимент, можно даже сказать дерзкий. Во всяком случае — небывалый: в истории горных работ ничего похожего не зафиксировано.

Нет, за один день, естественно, ничего не решится, для проведения эксперимента шахта отдана им во власть на целый месяц, но уже по первому этому дню с достаточной отчетливостью выявится, оправданной ли была их дерзость, не чересчур ли много на себя взяли.

И то сказать. если до этого выполнение плана добычи руды по шахте — суточного, месячного, квартального, годового — обеспечивалось двадцатью (двадцатью!!!) блоками, то на апрель решено оставить один (один!!!), закрыв остальные девятнадцать. И этот один, опираясь на новую технологию, должен обеспечить программу всей шахты. То есть выдать в двадцать раз больше руды, чем добывалось в нем, в этом блоке, до этого.

Закрывают девятнадцать блоков, ушли из них горняки — кого перевели на этот месяц в строительную бригаду, кому предоставили отпуска, — и даже здесь, в оставшемся блоке, новая технология тоже «предоставила отпуска» большой группе горняков коренной пересмотр одной из главных операций позволяет высвободить 108 человек.

Мелькают спицы, крутятся колеса, челночит послушный их воле скип: вниз — вверх, вдох — выдох. Спокойное, выверенное годами дыхание. Дыхание, обеспеченное круглосуточной вахтой двадцати блоков. С сегодняшнего дня остается один. А что, если?..

Это «А что, если?..» было первой реакцией на их предложение поставить эксперимент. Естественно, они подкрепили свое предложение соответствующими расчетами, и все же им был задан вопрос: понимают ли, что

в случае провала посадят на голодный паек кузнецкие домны?

Собственно говоря, вопрос этот не был для них неожиданностью: сами сто раз задавали его себе. И пришли к сегодняшнему апрелю, все на десять рядов опробовав и проверив. Конечно, на время проверки они не закрывали, как намеревались поступить теперь, большей части блоков — проверка велась в обычной для шахты рабочей обстановке, но все делалось с максимальным приближением к условиям сегодняшнего эксперимента.

Только одно дело — опробование и проверка вчерне, для себя, и совсем другое, когда начинаются решающие испытания в присутствии строгой экзаменационной комиссии.

Правда, официально никто этих людей комиссией не именуется, но...

Подумав об этом, он невольно вспомнил, как несколько дней назад ему в институт позвонил из Новокузнецка Коваленко. В общем-то они перезванивались едва ли не каждый день Виктор Андреевич — главный инженер горнорудного управления, в ведении которого и Таштагол и все другие рудники Горной Шории. Поговорить у них всегда есть о чем. Однако на этот раз Коваленко звонил не как должностное лицо, а как один из создателей новой технологии, один из соавторов Дубынина.

— Разрешили, — сказал он будничным тоном, забыв поздороваться.

Дубынин в тон ему по-будничному же спросил:

— На месяц?

— На месяц, как мы и просили. С первого апреля.

— А что сказали?

— Они в нас верят

— Если можно, подробности, Виктор Андреевич?

— А какие подробности? Никаких подробностей.

Но подробности, оказалось, все же были. Давая разрешение перевести на месяц в порядке эксперимента шахту Таштагол на работу по новой технологии, Министерство черной металлургии СССР оговорило. эксперимент должен проводиться в присутствии директоров или главных инженеров сибирских, уральских, среднеазиатских рудников. Естественно, они съедутся не на месяц, но с неделю пробудут

— Этакую комиссию создают? — сорвался с будничного тона Дубынин. — А вы говорите верят!

— Никакая это не комиссия, — остудил его Коваленко. — Просто в министерстве считают, что опыт Таштагола достоин того, чтобы его тут же начали перенимать.

— Ну, если так, тогда, конечно...

После этого они все так же по-будничному согласовали, когда съедутся в Таштаголе, обменялись информацией о здоровье, обсудили новосибирскую и новокузнецкую сводки погоды и с дружеской грубоватостью буркнули друг другу

— До встречи!

Но положив тогда трубку, Дубынин сбросил с себя маску будничности и так хряпнул обоими кулаками по столу, что дзенькнули оконные стекла.

— Разрешили!..

Каким трудным, каким долгим был путь к этому рубежу, к этому апрелю. целых семнадцать лет! Семнадцать лет поисков, где всем находкам хватило бы места на ладони, а разочарований не погрузить и в 25-тонный самосвал, семнадцать лет борьбы с сомнениями — своими и чужими, с противодействием вольным и невольным, с устоявшимися представлениями, с инерцией и инертностью, семнадцать лет, обросших, как репьями, недоброжелателями и одновременно подаривших убеж-

денных сторонников, единомышленников, последователей, друзей...

Тогда, семнадцать лет назад, в далеком и памятном пятьдесят третьем, формируя в Таштаголе первую совместную научно-производственную группу он, конечно же, не мог со стопроцентной уверенностью сказать, что такая форма оправдывает себя. Не было стопроцентной надежды. И тем более не возлагали на группу особых надежд горняки. Даже после того, как группа начала действовать в первый год ее работы,— еще хватало косых взглядов. Да и сам руководитель группы Карл Адольфович Кристин, здешний горный инженер, не раз жаловался Дубынину:

— Вроде бы и без дела не сидим, а сделанного не видно.

Эта убийственная формула с особой силой утвердилась в сознании таштагольских плановиков и финансистов. Начальник планового отдела Смирнов не упускал ни одного случая, не пропускал ни одной трибуны, чтобы не бросить с нее в души горняков пригоршни семян сомнения.

— Чистые нахлебники — эти исследователи триста пятьдесят тысяч рублей за год спустили, а пощупать нечего!

И трудно еще сказать, как бы все повернулось, если бы не самая энергичная поддержка тогдашнего директора рудника Дегтярева. Семен Иванович, как никто другой, понимал значение проводимой работы. И именно от него исходил совет — сесть за арифмометр и прикинуть-прибросить в рублях-копейках, какие выгоды извлек рудник, воспользовавшись рекомендациями исследовательской группы. Такой подсчет Дубынин произвел в 1956 году. Оказалось каждый рубль затрат обернулся сторублевой прибылью.

После этого Смирнов перестал называть их нахлебниками.

В том же 1956 году опыт Таштагола был перенесен в Темир-Тау. Созданная на здешнем руднике научно-производственная группа уже шла не на ощупь, у нее уже была четкая программа, а главное ее не воспринимали как инородное тело, ей была обеспечена поддержка коллектива.

Прошло время, и такие группы родились на рудниках Шалыма, Шерегеша, Абакана. Вместе с двумя первыми они стали опорными пунктами Института горного дела, как бы маленькими филиалами дубынинской лаборатории. И уже не один Дубынин, а все сотрудники лаборатории участвовали теперь в работе этих рудничных форпостов.

Но родившийся в Таштаголе метод ПС оказался не просто жизненным — он помог вовлечь в активный творческий поиск куда более широкий круг горняков, нежели включали в себя научно-производственные группы. Вот когда Дубынин начал по-настоящему обрастать сторонниками, единомышленниками, последователями, друзьями.

Новая технология не выковалась сразу в том виде, какой предстанет глазам экзаменаторов, — нет, она версталась по элементам, по отдельным звеньям, которые нанизывались на общий стержень, на сквозную идею. Эта сквозная идея принадлежала ему, Дубынину, он заложил основы и ряда элементов, а потом к ним стали присоединяться все новые и новые элементы, разработанные сторонниками, единомышленниками, последователями, друзьями.

Элемент к элементу — складывался технологический процесс, человек к человеку — круг авторов. Постепенно составилась коллектив, которому оказалось по силам

замкнуть цепь, объединить разрозненные звенья. Создать нечто целостное, единое, этаким комплекс, систему. Не случайно слово «система» фигурирует в авторском свидетельстве, где коллективное их изобретение получило несколько тяжеловесное, зато исчерпывающее наименование — «Способ разработки мощных рудных месторождений с помощью СИСТЕМЫ непрерывного этажно-принудительного панельного обрушения с вибровыпуском руды».

На титульном листе авторского свидетельства напечатано: «Авторы изобретения Дубынин Николай Григорьевич и другие, указанные в прилагаемом описании».

Другие — это:

Виктор Андреевич Коваленко

Виктор Демидович Шапошников

Владимир Никифорович Власов

Дмитрий Сергеевич Салищев

Павел Тихонович Гайдин

Константин Сергеевич Шкитов

Вместе с Дубыниным — семеро. И что показательно: из семерых только двое — сам Дубынин, да еще Владимир Никифорович Власов — научные сотрудники Института горного дела, остальные — люди, непосредственно связанные с производством.

Семеро соавторов, боевая рыцарская дружина, которую ждет сегодня поле брани там, на полукилометровой глубине под Таштаголом. Им, семерым, делить и славу, если господь бог соблаговолит ниспослать ее, и синяки с шишками, вероятность которых отнюдь не исключена. Предстоит ответственный экзамен.

Собственно, он уже начался вчера они встречались с будущими экзаменаторами в здешнем Дворце культуры. Рассказывали о своих поисках, об особенностях разработанной ими системы, отвечали на вопросы. Набился

полный зал. Больше всего, естественно, было местных горняков пришли, как и ожидалось, все, кому не в смену. Из числа гостей съехались и «побратимы» с таких же, как Таштагол, рудников Горной Шории, и соседи из Хакасии, и дальние посланцы из Нижнего Тагила, с горы Благодати, из-под Караганды.

Готовясь к встрече, Дубынин и его товарищи развешали на стенах фойе чертежи, диаграммы, схемы, рисунки, фотографии, рассказывающие о новой технологии. Вся эта «наглядная агитация», как про себя окрестил ее Дубынин, привлекла самое пристальное внимание собравшихся. Горняки теснились группами возле каждого чертежа, возле каждой схемы, делились друг с другом впечатлениями и соображениями. Переговаривались вроде бы негромко, но голосов было много, они наслаивались один на другой, и фойе наполнилось басовитым гулом.

Дубынин вслушивался в этот гул с ревнивым чувством, ему казалось почему-то, будто основная, ведущая нота в голосах — недоверие. Видимо, его все же царапнули слова, которые кто-то произнес со смешком у него за спиной при входе во Дворец культуры.

— Много же зевак собрали таштагольцы на свой первоапрельский розыгрыш!

Шутка — а все равно осадок на душе. Надо же было случиться такому совпадению, что начало эксперимента в самом деле пришлось как раз на первое апреля. Апрель — никому не верь!

Чертежи, диаграммы, схемы, рисунки — Дубынин смотрел на них теперь со стороны, пытаясь поставить себя на место людей, которые видят все это впервые. Что же, и он, пожалуй, отнесся бы к чертежам и схемам с известной долей скепсиса, сказав себе: а мы вот еще побываем в шахте, еще поглядим на новую технологию.

в действии, а то ведь и так может быть, что у изобретателей все гладко на бумаге, да забыли про овраги...

Главный «овраг», конечно,— отказ от участия в работе девятнадцати блоков. Как-то им удастся через него перепрыгнуть?..

— Разрешили!..

Коваленко произнес тогда это слово с такой обыденностью, как будто речь шла о том, что им, семерым соавторам, их жены разрешили отправиться под воскресенье на рыбалку. И ведь выдержал этот будничныи тон до конца, хотя в душе наверняка плавилось солнце.

И вот близится час, когда они смогут начать реализацию этого разрешения — нет, не в отношении рыбалки, конечно,— начать свой первоапрельский «розыгрыш».

Дубынин глянул в последний раз из окна гостиницы на верхнюю площадку копра, вздохнул пора двигаться.

И усмехнулся, поймав себя на суеверной мысли, что было бы все же лучше, если они начали бы эксперимент не первого, а, скажем, второго апреля. Или третьего. Или вообще не в апреле, а в мае.

...Клеть скользила вниз, до отказа набитая людьми в брезентовых костюмах, в касках, в резиновых сапогах. Все молчали, поглядывая на мелькающие лампочки, которые выхватывали на мгновение из тьмы своды отработанных штолен.

Равномерно гудели моторы, журчали струи грунтовых вод. На плечо Дубынину капало с потолка клетки, но отодвинуться было некуда.

— Все же много под землей водички,— пробормотал кто-то рядом с Дубыниным.

— Каждые сутки по пятьсот кубов на поверхность откачиваем,— раздалось в ответ из угла клетки.

Дубынин узнал по голосу директора рудника Громадского, сказал ему:

— Хорошо бы, Венециан Иванович, рассказать гостям про историю с бетонированием стоков.

— И о трапах бы тоже,— подхватил чей-то незнакомый голос.

О большегрузных вагонах,— добавили из-за спины Дубынина.

— О доставке взрывчатки...

— О телефонизации...

— Может, тогда и о подземных туалетах заодно? — со смешком отозвался Громадский.

Дубынин сказал в раздумье.

— А знаете, Венециан Иванович, все вот эти новшества, эти и многие другие, представляются нам, каждое по отдельности, вроде бы мелочами, но ведь получилось прямо по закону диалектики: количество перешло в качество, условия работы в шахте стали совершенно иными, и это, в известной мере, открыло дорогу и новой технологии.

— Пожалуй,— согласился Громадский.— Только мы же для гостей другую программу наметили.

— Программа не догма,— вмешался Сергей Васильевич Богодяш, представлявший в комиссии горняцкий коллектив горы Благодати.— Показывайте нам все, чем не грех похвалиться, а изъяны мы и сами увидим.

Клеть начала плавно тормозить и наконец остановилась напротив ярко освещенного, уходящего вдаль туннеля с высокими бетонными сводами, с бетонированными тротуарами, с рельсовой колеей между ними. Всякий раз, вступая под эти своды, Дубынин горделиво говорил себе: «Чем не метро?» И сейчас ему было приятно услышать, как Богодяш произнес уважительно:

— Добрый штрек, ничего не скажешь!

Громадский прошел вперед, жестом пригласив за собою всю группу.

— Тут Николай Григорьевич про стоки грунтовых вод вспомнил вот один из таких стоков.

Вдоль бетонной стены туннеля, послушно повторяя все ее повороты, выступы и уступы, тянулось узкое бетонированное русло. Громадский опустил в него ногу, и резвая водяная струя, ударившись о голенище резинового сапога, рассыпалась сверкающим веером.

— Со всех штреков пятьсот кубов в сутки,— сказал он, убирая ногу.— Почти вторая Кондома.

Струятся теперь многочисленные притоки этой подземной Кондомы по бетонированным руслам, никому не мешая, не причиняя забот, и не знают отныне горняки, что такое лужи и слякоть под ногами.

А ведь три года назад, когда затеяли войну с надоевшей всем сыростью, пришлось выдержать другую войну — со скептиками, с близорукими скопидомами, что кинулись подсчитывать расходы на цемент, на рабочую силу...

— Или вот с трапами этими,— притопнул Громадский каблуком по бетонному тротуару (почему-то горняки, подражая флотскому люду, именуют тротуары трапами), — тоже ведь целая баталия была.

До 1968 года тротуары в шахте настилались из досок, доски были вечно мокрые, скользкие, да и быстро изнашивались, ломались, то и дело приходилось эти настилы подновлять, а то и заменять целиком. Кроме того, под тротуарами были прокопаны канавы для тех самых притоков подземной Кондомы, и когда случались заторы (увы, такое не было редкостью), вода растекалась по всему штреку, а чтобы найти и ликвидировать затор, приходилось выламывать доски порою в нескольких звеньях.

— Теперь мы ни с грунтовыми водами, ни с трапами горя не знаем,— с удовлетворением подытожил Громад-

ский.— Что же касается затрат на цемент, на рабочую силу, все давно окупилось за счет средств, выделявшихся на ремонт деревянных трапов.

— А что ты о рельсах умалчиваешь, Венециан Иванович? — сказал вдруг Богодяш, внимательно приглядываясь к рельсовой колее.— Я смотрю, тут прямо Транссибирская магистраль проложена.

— Так то когда было-то,— отмахнулся директор рудника.— Это же еще в шестьдесят пятом...

— Ничего, поделись опытом!

Громадский вздохнул с покорным видом и, шагая по междупутью впереди группы, принялся рассказывать о рельсовой эпопее. До 1965 года на всех 38 километрах подземной транспортной сети были уложены, как и повсюду в шахтах, облегченные рельсы. В старину по таким конки курсировали, а в наше время их применяют, помимо шахт, разве что на детских железных дорогах. Но надо отдать должное, они исправно несли службу, пока подземные поезда формировались из небольших вагончиков. Однако рост добычи руды потребовал и резкого повышения грузоподъемности подвижного состава. Сейчас под землей курсируют вагоны, вес которых достигает после погрузки двадцати тонн. В результате маломощные рельсы стали часто ломаться, рудные маршруты то и дело терпели крушения.

Конечно, эти крушения никак не уподобить катастрофам, которые постигают порою поезда на железнодорожных магистралях, поезда, мчащиеся со 100-километровой скоростью. Однако для горняков и обычный сход с рельсов неторопко ползущего под землею рудного состава отнюдь не маленькая беда — тяжелые вагоны загромождают узкий штрек, подобраться к ним с чем-то вроде автокрана невозможно, а голыми руками такую пробку быстро не устранишь.

И все же, когда родилась мысль уложить в шахте современные железнодорожные рельсы, по которым ходят настоящие поезда,— когда родилась такая мысль, поначалу высказывалось немало сомнений...

Дубынину хорошо помнятся возражения против использования на подземном транспорте «наземных» рельсов. В общем-то все сводилось к одному велики первичные затраты. Ну, а в виде привеска выставлялась чисто техническая трудность каким образом спустить в шахту 12-метровые звенья?

Теперь, с позиций, как принято говорить, сегодняшнего дня, все это представляется некоей наивностью тяжелые рельсы давно работают в шахте, а затраты на их укладку окупилась за счет средств, выделяемых на ремонт пути. Окупилась, ибо за период, прошедший с 1965 года, не пришлось заменить ни одного метра рельсов. Случаи схода вагонов превратились из обыденности в ЧП.

Что касается технической трудности со спуском в шахту рельсовых звеньев, разрешили ее просто: попилили рельсы на куски, спустили, а тут, под землей, призвали на помощь электросварку. И уж коль скоро начали варить, решили не ограничиваться обычными 12-метровыми отрезками, а составили сплошные плети от стрелки до стрелки, без стыков. Ну, а если стыки отсутствуют, колеса катятся нигде не подпрыгивая. Недаром такой путь называют бархатным вези по нему бокал с шампанским до краев не расплещется.

Дубынин шагал по штреку в группе гостей вслед за Громадским, вслушивался в негромкий голос его, но уже не слышал, о чем директор рудника рассказывает, а думал о переменах, какие произошли под землей за последние годы.

И не только в сфере чисто, так сказать, производст-

венной, не только в смысле технического прогресса. Не на одних, словом, решающих направлениях. Взять хотя бы тот же «поход против сухомятки» — мог вроде быть, а мог и не быть. Горняки, во всяком случае, никаких с этого конца требований к руководству не предъявляли, казалось само собой разумеющимся собираешься на работу бери из дома сверток с ломтем хлеба, парой вкрутую сваренных яиц, куском колбасы. Традиционная, от века, сухомятка, оставлявшая после себя недобрую память в виде гастритов и язв желудка

А теперь как? Настало время пошабашить шагай в столовую, какая ближе к твоему забою (их пока две под землей), там сытный и — что немаловажно! горячий обед из трех блюд утолит твой голод. Да, три блюда, и за все про все двугривенный! 20 копеек из твоего кошелька. Остальные 40, 50 или сколько там еще копеек до полной стоимости (согласно калькуляции) твоего обеда будут покрыты из средств директорского фонда.

Организованы столовые в общем-то недавно, а каким уже невероятно далеким и странным кажется время, когда обходились ломтем хлеба и куском колбасы.

А разве не кажется невероятно далеким и странным время, когда отсутствовали под землей телефоны? Теперь-то вон они, чуть не на каждом шагу Выдалась свободная минута, можешь набрать, скажем, домашний номер «Сынок, ты все уроки приготовил?» Или позвонить в Новосибирск профессору Дубынину и поинтересоваться под горячую руку, «что он думал своей головой», предлагая такое-то новшество, которое, увы, не желает вписываться в устоявшийся рабочий процесс...

Многое кажется сегодня невероятно далеким и странным, совсем иной стала в шахте атмосфера, с иными мерками подходят теперь люди к своей работе, к себе. К своему местоположению в коллективе. И правильно

сказал давеча он Громадскому: не будь этой новой атмосферы, еще неизвестно, была ли бы новая технология...

Дубынина отвлек от этих мыслей низкий звук сирены электровоза из-за поворота навстречу им выкатился рудный маршрут

— Вот они, наглядные результаты действия новой системы! — с шутливым пафосом воскликнул Богодяш. — Видимо, сейчас мы увидим и саму систему?

— Не спеши, — остудил его Громадский. — В соответствии с намеченной программой решено прежде показать вам старые участки. Чтоб сравнить было с чем.

Директор рудника повел гостей в отработанную штольню.

— Железная руда в Таштаголе, — рассказывал он по дороге, — залегает в земной толще в виде мощных, на километры раскинувшихся линзообразных вкраплений. Приступая к разработке очередной такой линзы, мы разбиваем рудное тело на этажи, средняя высота которых семьдесят метров, а протяженность — от одного до другого края линзы...

Дубынин недоумевал, зачем Громадскому понадобилось это предисловие. Все стало ясным, когда пришли в старый забой, напоминавший круто вверх уходящую нору. Без упоминания о 70-метровом междуэтажье действительно нельзя было в полной мере оценить всю дьявольскую сущность применявшегося здесь метода. Чтобы взять руду, ее нужно отколоть или, как выражаются горняки, отбить от целика. Отбойка ведется с помощью взрывчатки. Так вот, тут применялся для отбойки метод массовых мелких взрывов, когда взрывчатка закладывалась в целую серию высверленных в рудном теле небольших отверстий. Их, эти отверстия, именуют шпурами — отсюда и название метода мелкошпуровой.

Очередность работ тут такая. Сначала прогрызается

снизу вверх забой-нора. Нет, не на всю высоту этажа сразу, а на десяток метров кверху и что-нибудь около метра в диаметре. Потом в эту нору заползают с ручным буровым инструментом горняки и, скрючившись в три погибели и подсвечивая себе шахтерскими лампочками, сверлят в стенах шпур.

В ноздри набивается едучая пыль, на плечи, на спину, за ворот стекает по капле подземная Кондома, от неудобной позы немеет спина, дрожат от усталости руки и ноги, а ты крепись, не отступай — бури!

Наконец шпур готов. Их заполняют аммонитом, подводят бикфордов шнур и давай бог ноги!

После взрыва надо переждать пусть обвалится все, чему положено обвалиться. Пусть обвалятся глыбы, которые почему-либо удержались — не рухнули тотчас после взрыва, от первого толчка, и теперь должны, просто обязаны упасть под действием собственной тяжести.

После взрыва надо переждать, но далеко не всегда, к несчастью, эта пауза избавляет от беды увы, фактор силы тяжести порою попросту не срабатывает. Вернее, срабатывает с запозданием, с трагическим запозданием. Иной раз, стоит горнякам вслед за паузой подняться в забой, неустойчивое равновесие нарушается, зависшие глыбы покидают свои «гнезда» и обрушиваются на головы людей.

Предугадать подобное коварство трудно, чаще невозможно. Сколько ни переждидай, сколько ту паузу ни растягивай, возвращаться в забой надо, и тут уж, что называется, у кого какое везенье.

И так — раз за разом, шаг за шагом, все вверх и вверх, пока не прогрызешься сквозь 70-метровую толщу руды от этажа до этажа, пока не высунешь голову там, на отметке, близкой к высоте главного корпуса Московского университета на Ленинских горах. Все вверх

и вверх, и на каждом отрезке одно и то же: проходка забоя, шпур, пыль, немеющая спина, дрожащие от усталости руки и ноги. Потом — закладка аммонита, взрыв. И пауза. Пауза, после которой не знаешь: а что там ждет, в черном чреве забоя?

Очень тяжелый и очень опасный труд. И, пожалуй, главным образом отсюда, из таких вот забоев-нор, шел тот «процент травматизма», что фигурирует во всех отчетах о работе шахты наряду с технико-экономическими показателями.

— Знакомая картина, — произнес с горьким вздохом кто-то из гостей. — Так называемая опасная зона.

— Вывели мы из этой зоны человека, — сказал Громадский удовлетворенно. — И считаем это самым большим своим достижением.

Неожиданный финал, как и можно было ожидать, обернулся для Громадского камнепадом вопросов. Однако директор рудника не растерялся: перевалил их на Дубынина. Дубынин сказал:

— Все в общем-то просто...

И умолк, раздумывая, как бы это в двух словах обрисовать гостям содержание метода, который позволил вывести человека из опасной зоны. Да, именно в двух словах, хотя недавно, выступая с лекцией перед студентами горно-металлургического института, он затратил на это полтора часа.

Тогда, во время лекции, он начал с того, что изобразил с помощью мела на доске рудное вкрапление в толще земли — этакое гусиное яйцо, положенное набок. Прочертил над яйцом, по ходу продольной оси, две линии — вроде как бы туннель бурового горизонта, «расставил» буровые станки и на этом пока прекратил здесь «горные работы».

Второй воображаемый туннель протянулся параллель-

но первому, но ниже, в самой толще яйца — это был как бы откаточный горизонт. По обеим его сторонам Дубынин нарисовал несколько прямоугольных ниш — будущих камер выпуска руды, а под выходами из них «проложил» в туннеле рельсы и поставил на них вагоны: тут будет производиться погрузка руды и ее откатка, то есть доставка к стволу шахты для последующего подъема в скипах на-гора.

Тут будет производиться погрузка руды... Но где она — руда, предназначенная для погрузки? И тогда мел профессора пронизал верхнюю половину яйца, зажатую между двумя горизонтами, пучками вертикальных линий, протянувшихся от воображаемых буровых стаиков к тем самым нишам. Это стволы скважин — их нужно пробурить с помощью станков (а не ручными перфораторами, как делалось раньше), пробурить сверху вниз (а не снизу вверх, не из забоев-нор), заполнить на всю глубину аммонитом (на всю глубину от горизонта до горизонта, а не в мелкие дыры-шпуры, высверленные в стенах забоев) и взорвать. Отколота от целика и раздробленная, руда просядет в ниши — бери ее отсюда, грузи в вагоны, увози-откатывай на рудный двор.

Расстояние между буровым и откаточным горизонтами — нет, не на рисунке, конечно, а в шахте — равно высоте 25-этажного дома, и вот тут возникает одна из главных трудностей для бурильщиков: пройти весь пучок скважин нужно строго вертикально, пройти так, чтобы там, внизу, на уровне откаточного горизонта, стволы их не имели отклонения даже на метр. Только в этом случае весь пучок сработает с полной отдачей, только в этом случае последующий взрыв обеспечит наиболее полное обрушение руды.

Проходка пучка в двенадцать-пятнадцать скважин — отнюдь не простое дело. Не случайно горняки Криво-

рожья, узнав о дерзкой попытке сибиряков, даже заявили, что сие невозможно, пришлось сибирякам ехать потом к ним делиться опытом.

На буровом горизонте закладывается будущий успех всего коллектива шахты, успех, определяемый мастерством бурильщиков, их трудовым накалом, их, если хотите, упрямством. И все же не это главное для жизни шахты — главное в том, что благодаря этому методу удалось наконец вывести людей из забоев, удалось избавиться от тяжелого физического труда, удалось исключить элемент опасности. Именно поэтому за новым методом проходки вертикальных скважин закрепилось название, состоящее из двух букв — ББ: Безлюдный, Безопасный.

Метод ББ входит составной частью в технологию, разработанную Дубыниным и его соавторами. Теперь на каждом очередном участке рудного тела, предназначенном для отбойки (обычная ширина такого участка полтора десятка метров, длина — до двадцати пяти), пробуривается не одна скважина, а сразу целый пучок, двенадцать-пятнадцать ходок. И одновременный взрыв всего пучка ни в какой мере нельзя сравнить по силе и эффективности отбойки с тем «хлопком», какой обеспечивался шпурами.

Но неизмеримо возросшая по сравнению со шпурами сила взрыва пучка имеет и обратную сторону: ударная волна, распространяясь по рудному телу, может разрушить скважины в соседних пучках. Вот где Дубынину пришлось поломать голову, чтобы найти способ обезопасить соседние пучки. Додумался он тогда в общем-то до простой вещи: по его предложению между пучками стали пробивать особые компенсационные щели. Иными словами создавать воздушную прослойку. Первая же такая щель (кстати сказать, образованная с помощью того же способа — взрыва специально пробуренных сква-

жин) в прах повергла все доводы скептиков — а их, увы, нашлось немало! — погасив своей воздушной подушкой ударную волну взрыва.

Компенсационные щели были предметом особой гордости Дубынина, и сейчас он ждал, что Громадский пригласит членов комиссии на буровой горизонт, продемонстрирует им проходку пучка скважин, покажет одну из подготовленных щелей. Как раз поэтому он без подробностей, лишь в общих чертах, обрисовал гостям метод ББ. Однако директор рудника, следуя какой-то своей логике, повел всю группу не на буровой, а на откаточный горизонт — на тот его участок, где выемка руды велась по старой технологии, с применением скреперных лебедок.

По деревянной лесенке все поднялись из штрека вслед за Громадским в узкую, но довольно глубокую нишу, выдолбленную в рудном теле для скреперной лебедки. Низко нависший неровный потолок заставлял невольно пригибать голову, по бугристым стенам сочились ручейки грунтовых вод. На вбитом в потолок крюке висела днищем кверху объемистая кастрюля с протянувшимся к ней гибким шлангом. Из кастрюли растекался бледный свет, не достигавший дальних углов подземелья.

Дубынин называл про себя подобные ниши пещерами неандертальцев. Впрочем, эта больше напоминала средневековый склеп, где так и хочется обшарить глазами стены в поисках цепей и орудий пыток.

В дальнем конце пещеры обозначилось в потолке жерло колодца, образованного взрывом пучка скважин и уходящего вверх, к буровому горизонту; под колодцем высилась куча обрушившейся в результате взрыва руды. В противоположной стороне поместился со своей лебедкой скреперист. Увидев гостей, он приветливо блеснул полоской зубов и вновь положил руки на рычаги.

Лебедка имела два барабана, от каждого тянулось по канату. Оба каната были прикреплены (только с разных сторон) к большому, опрокинутому зевом вниз, ковшу-скреперу. Один канат предназначался для того, чтобы подавать ковш вперед, к лебедке, а второй, пропущенный через систему блоков, должен был оттаскивать его на исходный рубеж.

Машинист включил лебедку, первый барабан стал накручивать на себя канат, и ковш потащился волоком по дну пещеры вперед, загребая из кучи руду. Кверху взметнулось облачко пыли; вначале бесформенное, оно быстро обрело контуры доисторического ящера и устремилось, подхваченное невидимыми токами воздуха, навстречу гостям — к выходу из пещеры.

Ковш между тем приблизился к металлическому помосту, на котором была установлена лебедка, и руда скатилась по желобу вниз, под помост, в специальный бункер с люком: отсюда ее уже будут грузить в вагоны. Скреперист возвратил с помощью второго каната освободившуюся чашу ковша обратно, а затем снова потянул, загребая руду, к себе. Только на этот раз цикл не прошел с давешней гладкостью: ковш «подавился», захватив слишком крупный кусок руды, как говорят горняки, негабарит. Он не протолкнется через люк, его надо прежде раскрошить.

Пришлось машинисту остановить лебедку и вооружиться кувалдой.

— Хря-ась! — выдохнул он, с силой опустив кувалду на рудный монолит.

Брызнули во все стороны мелкие крошки руды, кувалда, будто спружинив, подпрыгнула к потолку, а глыбе — хоть бы что, даже трещинка не зазмеилась.

— Хря-ась!..

Так молотобойцы усмиряют в кузнях железо. Только

там они имеют дело уже с чистым металлом, податливым, размягченным в горне, а тут — что твой железобетон, спекшийся в недрах земли.

— Хря-ась!

— На такую вот непроизводительную работу,— сказал Громадский, кивнув на кувалду в руках скрепериста,— уходит в среднем до двадцати процентов рабочего времени.

Дубынин наблюдал за гостями: как они восприняли сообщение директора рудника? И вообще ему хотелось бы знать, какое впечатление произвела на них обстановка в пещере-склепе: этот давящий потолок, эти пыль и грязь, эта теснота?

Он наблюдал за гостями и улавливал в их отношении ко всему, что они видели, одну реакцию: вежливое внимание. Так мало?..

Из ниши скрепериста Громадский повел всех в другую подобную же нишу — на площадку вторичного дробления. Главным «экспонатом» здесь, конечно же, была решетка-грохот, составленная из четырехметровых рельсовых кусков. Горняк, вооруженный чем-то вроде обыкновенной кочерги — она именуется шуровкой,— перепрыгивал с рельса на рельс и «шуровал» руду, помогая ей протолкнуться между рельсами. Делал он это сноровисто, экономя, по мере возможности, силу. Брал, что называется, умением. Этак вроде бы играючи.

Однако красивое поигрывание мускулами продолжалось недолго: вслед за мелкими кусками руды на решетку вывалилась глыба весом с полтонны. Тут уже стало не до игры, тут уже пришлось заменить кочергу кувалдой — точно такой, какую они видели у скрепериста. И раздалось знакомое:

— Хря-ась!..

Дубынин, наблюдая за грохотчиком, возвращаясь

мысленно к недавней подобной же сцене в нише скрепериста, невольно вспоминал строку из отчета шахты за предыдущий год: «Объем добычи руды — 2 652 600 тонн». К трем миллионам дело подвигается — и это «Хря-ась!»

На площадке, где была смонтирована решетка, угнетали те же, что и у скрепериста, пыль и грязь. И еще большая теснота. На почерневшем лице грохотчика струйки пота оставляли светлые промоины. Чтобы как-то обострить интерес гостей, Дубынин спросил у него:

— Как вы относитесь к своей профессии?

Горняк, не оставляя кувалды, искоса поглядел на профессора, на всю группу, рассмеялся:

— Любому из вас без печали и шуровку и кувалду уступлю!

И уже серьезно добавил:

— Тяжелее работу трудно найти!

Дубынин полностью разделял его мнение: профессии скрепериста и грохотчика — одни из самых тяжелых под землей. И опасных. Особенно много опасностей таит работа на грохотах, которые, подобно забоям, достаточно регулярно пополняют графу «процент травматизма».

— Тяжелее работу трудно найти!

А реакция гостей и теперь не вышла за рамки все того же вежливого внимания, если не считать вполне естественного в данной ситуации дополнения: обычного человеческого сочувствия. И тут Дубынина осенило: да ведь все это для них привычная картина, скреперная технология — одна из основных на рудниках страны. В Криворожском бассейне, например, в бассейне, на который десятилетиями равнялось большинство горнорудных коллективов, скреперные лебедки тащат на своих канатах 99,5 процента плана. Так чего же ждет он от этих людей, помимо вежливого внимания и сочувствия!

С площадки вторичного дробления руда самотеком

или, точнее, самокатом поступает в такой же, как под скреперной лебедкой, бункер с люком — отсюда ее можно уже грузить в вагоны. Нет сомнения, что и эта операция выпуска руды через люк так же во всех деталях знакома гостям, ничего нового они тут для себя не откроют. Следовательно, тащить их туда вряд ли стоит.

— Ну что, Венециан Иванович,— сказал Дубынин директору рудника, когда группа возвратилась в откаточный штрек,— на буровой горизонт теперь?

— А есть ли надобность? — пожал тот плечами.— Для экспериментального блока все скважины мы пробурили еще в феврале, а в марте произвели массовый взрыв. Так что сейчас товарищи там ничего не увидят. Ну, а ознакомиться с работой буровых станков можно будет потом на другом блоке.

— Правильно,— поддержал Богодяш.— Проходка скважин и отбойка руды — важный, конечно, этап технологии, однако там и без осмотра все понятно, а вы вот главное звено своей системы кажите: как теперь выдача руды идет? Чем вы старушку-лебедку заменили, что у вас вместо грохота, вместо бункеров с люками?

Дубынин покивал, соглашаясь, но сказал Громадскому:

— Тогда хотя бы надо прежде охарактеризовать экспериментальный блок, чтобы товарищи имели о нем представление. Поняли бы, откуда мы будем черпать руду, закрыв остальные девятнадцать блоков.

— Да, хорошо бы знать основные параметры этого вашего блока,— присоединился к Дубынину кто-то из гостей.— Так сказать, для ориентировки.

Громадский стал по памяти называть цифры. Блок № 15, избранный для эксперимента, находится в центральной части разрабатываемого рудного тела, ширина блока 32 метра, длина — 48. Глубина проходки по вер-

тикали 70 метров. В период подготовки к отбойке в блоке было пробурено 26 пучков вертикальных скважин, общая длина проходки достигла 16 километров. Во все эти скважины заложили аммонит и 6 марта 1971 года взорвали, одним махом разрыхлив около полумиллиона тонн руды.

— Вот ее-то теперь и будем выбирать по новому методу, с применением нового оборудования.

Заклучив этими словами свой рассказ, Громадский сделал приглашающий жест и повел группу на тот участок откаточного штрека, где было смонтировано это новое оборудование.

Шагая вместе с гостями под бетонными сводами просторного туннеля, который казался особенно просторным после пещеры скрепериста, Дубынин думал о том, что, пожалуй, самая главная заслуга новой технологии не столько в резком повышении производительности труда, хотя и это очень важно, сколько в победе над забоями-норами, над пещерами, над грохотами и люками, в избавлении людей от тяжелого физического труда, в избавлении их от постоянной и, казалось, неременной спутницы подземного производства — опасности. Естественно, какой-то элемент опасности останется — шахта есть шахта! — однако уже не будет, если можно так выразиться, наиболее вероятных «поставщиков» травматизма.

Шагавший впереди Громадский вскинул предупреждающе руку: по рельсам катился навстречу им подземный поезд. Вернее сказать, он даже и не катился: электровоз лишь успел плавно тронуть вагоны с места и почти сразу, пройдя какие-то метры, затормозил. И как только затормозил, из глубины туннеля донесся грохот: будто бригада молотобойцев с маху лупила кувалдами по железному листу.

Это продолжалось с полминуты, не больше, потом наступила тишина, и электровоз вновь подтянул вагоны

вперед. И опять, как и давеча, едва состав замер на месте, за дело принялись «молотобойцы».

— Составчик-то под погрузкой? — высказал догадку кто-то из гостей. — Только где погрузочный агрегат?

— Сейчас увидите, — пообещал Громадский и, обойдя электровоз, зашагал вдоль состава по бетонному тротуару.

Все двинулись следом.

Вскоре в бетонной стене штрека на противоположной стороне, метрах в двух над полом, открылся прямоугольник ниши. Из него выступала на длину вытянутой руки металлическая наклонная платформа, огражденная с боков невысокими бортами, склепанными из мощных двутавровых балок. Точнее, балки были не склепаны между собой, а свинчены болтами, как и все остальные части установки. Это позволяло после выработки блока размонтировать установку и перенести на новое место.

Платформа уходила в глубину ниши, но где заканчивалась, рассмотреть было невозможно: все скрывалось под слоем готовой к погрузке руды. Где заканчивалась платформа, рассмотреть было невозможно, только это и не представляло особого интереса: главный узел всего агрегата находился не там, а под передним срезом платформы, на самом виду, ничем не заслоненный от обзора. Это был карданный вал с нанизанными на него несколькими дисками. Стоило включить электродвигатель, кардан с дисками начинал вращаться и заставлял вибрировать платформу. Именно вибрация и несла в себе зерно, идею установки, именно вибрация и являлась той силой, что заставляла сползать, стекать руду с платформы, создавая рудопад, чей грохот они слышали.

Дубынин заставил себя посмотреть на установку как бы со стороны, как бы чужими глазами: хотелось представить, какое впечатление она может произвести

на гостей. И невольно рассмеялся, вспомнив прозвища, какими сопровождалось появление в шахте самой первой из них: сначала горняки нарекли ее «лаптем», потом «трясучкой», а теперь закрепилось уважительное и ласковое — «сибирячка».

Лапоть... Действительно, какие-то ассоциации с лаптем возникают, ничего не возразишь. Но больше, конечно, это все напоминает гигантскую совковую лопату. Да и по характеру выполняемой работы тоже к лопате ближе.

Слева от «лопаты» в стене ниши имелось углубление — в нем находился машинист установки. В руках у него был пульт дистанционного управления. Дождавшись, когда загруженный перед этим вагон отъедет вперед, а его место займет порожний, машинист нажал на кнопку, и тотчас платформа пришла в движение, с грохотом обрушив в металлическое чрево вагона куски руды. Среди них были и такие, которые следовало назвать уже не кусками, а глыбами. Во всяком случае, ни скреперист, ни грохотчик не пропустили бы столь крупных фракций — не имели права пропустить, ибо те заклинили бы поток руды при погрузке через люк. Здесь же платформа могла спихнуть любую глыбу, лишь бы уместилась в вагоне.

— Вот это и есть наша «сибирячка», — сказал Громадский, дождавшись перерыва в погрузке. — Официальное название — ВДПУ: вибродоставочная погрузочная установка.

Тотчас посыпались вопросы: какова производительность? Сколько человек в обслуживании? Как долго испытывалась? Все ли узлы надежны?

Громадский не успел ответить ни на один: возобновился рудопад. А когда вновь наступил перерыв, Богодяш сказал просительно:

— Куда мы спешим, а? Можно же посмотреть без гонки на эту красавицу в работе, а потом Венециан Ива-

нович выложит нам все технические характеристики.

— А какие тут характеристики? — неожиданно подал голос из своей ниши машинист установки. — Тут арифметика, голая арифметика: поставьте рядом с ней десять скреперных лебедок, и она их переплюнет! Все десять!

И поплевав на большой палец, лихо давнул на кнопку — низринул поток руды в остановившийся под «лаптем» вагон. Лихой жест машиниста заставил Дубынина улыбнуться. Он обежал ревнивым взглядом лица гостей: как они восприняли эпизод? И едва удержался от желания задать бестактный в данной ситуации вопрос: «дошел» ли до них главный смысл происходящего?

«Да, да, да, — хотелось ему сказать им, — да, установка дает десятикратное повышение производительности труда, однако не это главное, не это, дорогие мои! Оглянитесь на скрепериста, на грохотчика — сравните условия их работы с этой кнопкой: в ней зерно, в ней квинт-эссенция!» Конечно, он отдавал себе отчет, что людей, далеких от техники, кнопка может ввести в заблуждение: много ли, дескать, надо ума, чтобы давить на нее! Но ведь среди гостей не было туристов, они, без сомнения, прекрасно понимали, что управлять «сибирячкой» может лишь человек со специальными знаниями, человек, до винтика изучивший сам агрегат, до тонкостей разбирающийся в особенностях рудничного производства.

Ему подумалось, что неплохо было бы поближе познакомить гостей с хозяином установки — пусть тот хотя бы в двух словах расскажет им о себе, о своих подземных путях-дорогах. Ему подумалось об этом, и когда закончилась погрузка состава и электровоз потащил его на рудный двор, Дубынин сделал знак машинисту установки, чтоб спустился к гостям.

Неподалеку от гнездовья установки был пробит в стене штрека специальный ходок для машиниста. Туда

вели вделанные в стене штрека металлические скобы. Машинист — невысокий горняк, кажущийся немного мешковатым из-за брезентовой робы, — с привычной сноровистостью скользнул по скобам вниз, поздоровался со всеми и заговорил так, будто продолжал длительную, на какие-то секунды прерванную беседу:

— ...Голая же арифметика: на блоке в каждую смену одновременно работают две «сибирячки» — это значит два машиниста, плюс к ним два взрывника, плюс один электрослесарь. Общий итог: пятеро — в смену, пятнадцать — в сутки. А раньше на выдачу руды в сутки выходило сто двадцать шесть человек. Арифметика?..

— Сергей Михайлович, — перебил его Дубынин, — эта арифметика от наших гостей не уйдет, а вы о себе рассказали бы.

— О себе — что: Крылов Сергей Михайлович, на данный момент машинист «сибирячки», а дальше опять арифметика: под землей двадцать пять лет, прошел через шесть профессий, эта — седьмая. Начинал бурильщиком, потом был грохотчиком, люковым-сопровождающим, сумконосом, взрывником, скреперистом...

— Словом, к «сибирячке» вела целая лестница? — подытожил Дубынин.

— Именно, — кивнул Крылов. — Сейчас даже смешно вспомнить, какие были в шахте профессии. Тот же сумконос: моя обязанность была подносить взрывнику сумку с аммонитом... Или вот люковой-сопровождающий: я должен был открывать и закрывать во время погрузки руды люк, а после сопровождать погруженный состав до ствола шахты. А сопровождать — это означало бежать вперед электровоза и переводить стрелки, которые тогда не были автоматизированы...

— И от резвости ног таких сопровождающих зависела производительность труда на откатке руды, — всту-

пил в разговор Богодяш.— Мы тоже у себя прошли через эту стадию...

Беседу прервал сигнал электровоза: под погрузку шел очередной состав. Крылов поспешил на свое рабочее место, а вся группа во главе с Громадским двинулась по направлению к центральной диспетчерской.

Под землей свои понятия о размерах помещений: после забоев, после ниш, подобных той, где помещался скреперист, диспетчерская представлялась прямо-таки залом, хотя на самом деле была узкой, тесноватой, не очень удобной комнатой. Большую часть ее занимал длинный стол с множеством кнопок и рычажков — он приткнулся вплотную к стене; перед ним стояло кресло диспетчера, а между спинкой кресла и противоположной стеной уже оставался, по существу, лишь тесный проход. Над столом, во всю его длину, поднимался щит со светящейся схемой железнодорожных путей, стрелочных переводов, ремонтных мастерских, депо, вентиляционного и насосного отделений — всего сложного подземного хозяйства шахты.

По идее, сегодня у диспетчера должно поубавиться хлопот: Дубынин знал, что большая часть щита отключена, жизнь девятнадцати блоков замерла, остановилась. Приглядевшись, он убедился: диспетчеру действительно стало повольготнее. Да тот и сам пояснил, что за счет сокращения пробега подземных поездов — не в двадцать же концов бегать, а в один! — удалось на целую треть уменьшить количество вагонов и электровозов, необходимых для вывоза руды, а значит, облегчилась регулировка движения и груженых и порожних маршрутов. Так что и в этом отношении новая технология сыграла положительную роль.

Диспетчер не удержался — похвастался гостям новинкой, которую только что начали испытывать: электровоз

без машиниста. Явно по недоразумению профессия электровозника считается в шахте одной из легких. Между тем, пусть ее и не поставишь по своим условиям рядом с профессией скрепериста или того же грохотчика, она связана с большим нервным напряжением, а вынужденно неудобная поза быстро утомляет физически. Вот и родилась мысль: нельзя ли в управлении электровозом отказаться от участия человека?

— Это у нас называется автоматической электровозной откаткой руды,— рассказывал диспетчер.— Система на стадии проверки, пока что оборудовано два состава.

Он приподнялся с кресла, показал свернутой в трубку газетой один из железнодорожных путей на схеме: там пульсировали световые импульсы.

— Можете как раз понаблюдать за одним таким составом: видите, как шпарит?

Некоторое время гости с интересом следили на щите за движением поезда, управляемого автоматикой,— следили до той минуты, пока не пробудился вполне здоровый, вполне трезвый, вполне извинительный скептицизм: а вдруг?..

— А вдруг неожиданное препятствие на пути — скажем, прошел поезд перед этим составом и обронил на рельсы кусок руды?

— На электровозе имеется телеглаз,— парировал диспетчер,— от него сразу пойдут два сигнала: один — в управляющее устройство, чтоб сработали тормоза, а второй, по радио — сюда, в диспетчерскую, на пульт. И у меня полная ясность: где произошла остановка, куда послать путейскую бригаду...

Их было немало, этих «А вдруг?», но диспетчер, словно заранее приготовившись к такому экзамену, с веселой находчивостью гасил все искры сомнений. Под конец на него насел Богодяш:

— Ладно, автоматика — дело перспективное, она себе дорогу пробьет. Но вы-то лично чему радуетесь, вам же, как диспетчеру, работы с этими электровозами без машинистов только прибавится?

Но и тут у диспетчера был готов ответ:

— За шахту радуюсь...

Это чувство радости за шахту, за победное проникновение техники во все звенья физически тяжелого производства было хорошо знакомо Дубынину. Только в обычное время оно чаще всего приглушалось текущими заботами, неудовлетворенностью из-за не решенных еще задач, а сегодня, отключившись от повседневных забот, он и готов бы разрешить себе радоваться и гордиться, да мешала тревога за судьбу эксперимента. Пусть сейчас все идет нормально, и этот первый день вроде никого не разочарует, — тьфу, тьфу, не сглазить бы! — все равно горький привкус тревоги будет сопровождать его в течение всего апреля.

Из диспетчерской вся группа пошла на рудный двор.

Расположенный возле грузового шахтного ствола, рудный двор, в буквальном смысле слова, вбирает в себя плоды труда всей горняцкой смены. Именно здесь «подбивают бабки», именно отсюда уходит вверх, на-гора, заполненный до краев скиповый подъемник — уходит, разгружается и спешит вновь сюда, за следующей порцией руды. И пока есть откуда ее черпать, пока не оскудеет околовольный бункер, до тех пор не приостановится ритмичное движение скипа, не перестанут вращаться колеса там, на верхней площадке копра, не собьется ровное дыхание шахты.

Составы с рудой прибывали один за другим. Встречала их тут молодая женщина с улыбочивым взглядом из-под овального козырька горняцкой каски. Вооруженная чем-то вроде миноискателя, она стояла возле невы-

сокой «тумбочки» с десятком кнопок на покато́й столешнице — операторского пульта. Каждый очередной состав в обязательном порядке притормаживал здесь, и «миноискатель», проходя над вагонами, определял процентное содержание железа в руде.

Миновав контроль, вагоны осторожно въезжали на узкий мост, перекинутый над огромной чашей приемного бункера. На стальной спине моста могли стать одновременно три двадцатитонных вагона. Как только они там оказывались, женщина нажимала на одну из кнопок на пульте, и металлические перила моста приходили в движение — стискивали, подобно мощным клещам, бока вагонов.

Еще одна кнопка заставляла пробудиться сам мост: он начинал крениться, крениться и наконец переворачивался вместе с вагонами вокруг своей продольной оси, опрокидывая вагоны кверху дном. Шестьдесят тонн руды с грохотом низвергались в бункер.

У самой стены штрека над бункером перекинулся еще один мост — точнее, мосточек, предназначенный для подземных пешеходов. Все гости столпились на нем, с интересом наблюдая за работой могучего опрокидывателя. И опять, как час назад возле «сибирячки», Дубынину захотелось сказать им: да не туда, не туда вы смотрите, главное — не эта бездушная машина, а вон та женщина у операторского пульта, которая с помощью кнопок делает осмысленными движения машины. До такой вот «кнопочной» стадии Дубынин и его единомышленники мечтают довести все звенья подземного конвейера, в этом видят конечную цель своих поисков.

Впрочем, почему конечную? Разве они не поставили перед собой еще одну важнейшую задачу — научиться брать руду в чистом виде, «не разбавленную» пустой породой или, как говорят горняки, без разубоживания?

С точки зрения экономической эффективности это будет в горнорудном производстве своего рода революцией, ибо тогда отпадет необходимость в такой дорогостоящей операции, как обогащение руды.

Дубынина отвлек от этих мыслей радостный возглас Громадского:

— Идем с превышением!

Оказалось, он успел подвести предварительные итоги работы смены: поступление руды в бункер уже превысило норму почти на триста тонн. Если вторая и третья смены выдержат взятый темп, шахта выдаст на-гора около тысячи тонн руды сверх суточного плана.

А ВСЕ-ТАКИ ОНИ ВЕРТЯТСЯ!..

— Научно-техническая революция, свидетелями и участниками которой мы все являемся, приводит, в частности, к тому, что мы не успеваем за теми переменами, которые происходят в жизни...

Беседуют между собой известный актер Сергей Юрский и профессор Ленинградского политехнического института Камо Демирчян — беседуют о роли, о значении театра в общественном развитии. И вдруг Демирчян говорит:

— Научно-техническая революция, свидетелями и участниками которой мы все являемся...

Стоп: разговор о театре, а профессор ни с того ни с сего... Впрочем, так ли уж ни с того и ни с сего? Разве научно-технический прогресс не пронизал все стороны нашего бытия, разве его каждодневная поступь не отдается гулом в наших ушах, в наших сердцах, разве...

«Литературную газету», в которой опубликована запись беседы, я читал вчера, а сегодня мы с главным инженером рудника Григорием Васильевичем Захарютой знакомимся с его подземной «епархией» — ходим с самого раннего утра по забоям и штрекам, и он показывает и немногословно объясняет мне, как они тут брали руду раньше и как берут теперь. Собственно говоря, прежний способ оставлен в шахте не только для показа экскурсантам, вроде меня, — нет, с его помощью обеспечивается некая часть плана. Однако решает все, конечно же, новая технология.

Мы переходим с участка на участок, я наблюдаю в действии одну операцию за другой, и невольно вспоминается мне техническое наименование этой новой технологии: «Способ разработки мощных рудных месторождений с помощью системы непрерывного этажно-принудительного панельного обрушения с вибровыпуском руды». И вспоминая это наименование, я сегодня выделяю для себя в нем слово «НЕПРЕРЫВНОГО», ибо моим глазам предстает действительно непрерывный поток руды.

Без малого два десятка лет назад началось создание элементов внедряемой ныне технологии, и когда пришла пора формировать из них систему, единый комплекс, Дубынин и его соавторы сумели так состыковать эти отдельные элементы, так притереть их друг к другу, что зазор между ними получился минимальный, паузы между подземными операциями практически отсутствуют. Благодаря этому и стала возможной непрерывность — одно из важнейших достоинств любого производства, если оно находится на уровне требований современности.

Мы переходим с участка на участок, Григорий Васильевич ведет меня от звена к звену крепко сцепленной технологической цепочки и с удовольствием рассказы-

вает, как день ото дня, начиная с того апрельского эксперимента, набирало силу дубынинское детище. И вдруг я слышу, как удовольствие в голосе главного инженера сменяется горечью:

— В науке, в технике мы здорово вперед шагнули, а вот сознание наше нередко в хвосте событий оказывается, а порой и в роли тормоза выступает...

Помимо горечи еще и недоумение звучит в голосе главного инженера. И еще тяжелое раздумье. Помолчав, он добавляет:

— Не успеваем мы за теми переменами, которые происходят в жизни...

Я вспоминаю, что этими же самыми словами определил отношение к темпам научно-технической революции ленинградский профессор.

— Читал я «Литературку», — говорит Григорий Васильевич, — и полностью согласен с Демирчяном. Только он, естественно, пришел к этим мыслям на основании своего опыта, а нас заставляют так думать наши беды.

Беды?.. Я оглянулся мысленно на нашу встречу с Дубыниным: вот, видимо, то, о чем он предупреждал.

Тот апрельский эксперимент, проходивший в 1971 году, призван был открыть (или не открыть!) дорогу в широкую практику родившейся в Таштаголе новой технологии. Результаты эксперимента превзошли все ожидания: при условии, что в работе был всего один блок, шахта не только выполнила месячный план, но и выдала на-гора 17 тысяч тонн руды сверх плана.

Правда, этот блестящий итог не произвел в тот раз надлежащего впечатления на «экзаменационную комиссию» — нет, не на всех, конечно, ее членов, а на отдельных представителей. Подумалось им почему-то, что решающее значение тут имел особый экзаменационный настрой: поднатужились, дескать, выложились ташта-

гольцы до предела на полную катушку, отдали тому апрелю все наличное «золото» — и в смысле кадров и в смысле техники, а принесет ли новая технология такие же плоды в будни, в обыденном трудовом процессе, еще неизвестно.

Короче говоря, эксперимент прошел в апреле, а в июле сюда нагрянула группа горняков из Кривого Рога, с Урала, из Средней Азии, нагрянула без предупреждения, врасплох — и сразу, тут же в шахту. Смотреть. Щупать. Сравнить с тем, что демонстрировалось во время эксперимента.

Что же, таштагольцы выдержали и этот неожиданный и, можно сказать, негласный экзамен.

А в ноябре все того же семьдесят первого года Таштагол принимал гостей «со всех волостей»: Министерство черной металлургии СССР решило провести здесь «Всероссийский семинар по изучению новой технологии добычи руды». Съехались шестьдесят человек — главные инженеры рудоуправлений, директора и главные инженеры шахт, работники научно-исследовательских институтов, представители министерства.

Программа была очень уплотненной, на протяжении всего шести дней, не нарушая ритма работы шахты, надлежало детально ознакомить участников семинара со всеми операциями, начиная с процесса подготовки очередного блока к буровым работам и кончая монтажом и особенностями эксплуатации «сибирячек». Занятиями руководили Коваленко, Дубынин, Громадский. Они же в конце, в соответствии с предписанием министерства, представили отчет о работе семинара, общие рекомендации и проект приказа Министерства черной металлургии СССР.

Наверное, это было зря — поручать им составление такого проекта: как и следовало ожидать, они поскром-

ничали и высказались в духе пожеланий — мол, опыт заслуживает внимания и распространения. В министерстве эти обтекаемые формулировки были заменены простым и ясным предписанием внедрить разработанную в Таштаголе технологию на всех рудниках страны!

Забегая вперед, следует сказать, что внедрение, увы, пока осуществляется по древней системе: скоро сказка сказывается... О причинах — дальше по ходу нашего повествования.

И вот минуло два года. Что они принесли Таштаголу?

Первая руда здесь, как уже говорилось, была добыта в трудную годину начала Великой Отечественной войны. В ту пору способ проходки горных выработок, методы буро-взрывных работ, процесс выемки обрушенной руды и ее откатки — короче, каждый шаг выверялся по технологии, по методам горняков Криворожья — старейшего железорудного бассейна страны. И, само собой, таштагольцы и не замахивались тогда, чтобы обойти в соревновании старших братьев.

Теперь настало время, когда сибиряки смогли выйти вперед по всем параметрам. В том числе и по одному из таких важнейших, как количество проходческих работ на каждую тысячу тонн руды. Если в Криворожье проходка все еще составляет 6—8 погонных метров, то в Таштаголе она сокращена до 1,7 метра. Отсюда — резкое снижение себестоимости добычи руды.

Ну, а главное, конечно, достижение таштагольцев — это скачок по выработке. Есть в горнорудном производстве такой показатель. месячная выработка на одну штатную единицу. Так вот, за два последних года эта выработка увеличилась здесь на 41 тонну. 41 тонна руды дополнительно к плану каждый месяц в пересчете на каждого работника шахты, будь то проходчик, взрывник или официантка подземной столовой.

И еще одна цифра: за два года на шахте высвободилось (при одновременном росте добычи руды) 188 человек.

188 человек — за два года! А таштагольцы уже составили прогноз: к концу пятилетки на шахте высвободится еще 400 горняков.

И тут мне показалось, что я нашел объяснение словам главного инженера — словам о бедах: видимо, решил я, возникли сложности с трудоустройством высвободившихся горняков.

— Ваши беды связаны с сокращением штатов? — высказал я свою догадку.

К этому времени мы с Захарютой поднялись из шахты, приняли душ, пообедали и теперь сидели в кабинете директора рудника Громадского — подводили итоги увиденному и услышанному мною. Мой вопрос был обращен к ним обоим — и к директору и к главному инженеру. И оба в голос подтвердили:

— В общем-то все вокруг штатов вертится.

— Да, конечно, — посочувствовал я, — городок небольшой, крупных предприятий не имеет — попробуй найди дело для 188 человек!

Мои собеседники, оба враз, вежливо улыбнулись.

— Мы и не думали искать для них дело.

— Что же, выставили, подобно капиталистам, людей за ворота и умыли руки?

Они снова улыбнулись, посмотрели друг на друга, потом Громадский попросил Захарюту:

— Рассказывай ты, у тебя лучше получается.

Да, беды их действительно связаны с сокращением штатов, только не в той плоскости, какая увиделась мне. Они не выставляли людей за ворота, ни один из тех 188 человек не унес в трудовой книжке запись: «По сокращению штатов». Это самое сокращение шло за счет

естественной убыли — за счет горняков, которым пришел срок выйти на пенсию, за счет непоседливой молодежи, не успевшей погасить в себе «охоту к перемене мест».

Они и на будущее, в прогнозе на конец пятилетки, исходили из факта, что к тому времени у них выйдет на пенсию 302 горняка.

Сокращение штатов, достигнутое благодаря быстрому росту производительности труда, ударило по шахте с другого, совершенно неожиданного конца: оно автоматически переключило шахту в низшую категорию «с числом работающих до...», где и премиальный фонд намного ниже, и некоторые должности, очень нужные коллективу, «не положены», и ряд других льгот ушли.

Захарюта продемонстрировал мне документ — «Постановление коллегии Министерства черной металлургии СССР и президиума Центрального комитета профсоюза рабочих металлургической промышленности» № 34/16 от 1 марта 1973 года. Здесь приводится шкала премий, шкала, в которой единственным мерилom размеров премиального фонда выступает количество штатных единиц. И ни намека на зависимость этого поощрительного стимула от производительности труда.

— Вот и получается, что не успеваем мы в данном случае за прогрессивными переменами в сфере производства, — сказал Захарюта, вспомнив самое начало нашего с ним разговора о научно-технической революции. — Коллектив наш увеличил добычу руды на триста тысяч тонн в год, вышел в соревновании на первое место, а тут, вместо того, чтобы как-то поощрить его, три тысячи рублей премии срезают!

— Толковал я об этом с председателем ЦК профсоюза Костюковым, — вступил в разговор Громадский, — так Иван Иванович мне так заявил: «Это вопрос сложный, сразу его не решить».

— Или вот заработки,— вновь взял слово Захарюта.— Смотрите, что происходит...

Он извлек из кармана большой блокнот, где среди не очень разборчивых записей я увидел строгий лик таблицы:

Рудники Горной Шории	Ср. месячн. выруб. на одного раб. в <i>m</i>	Ср. месячный зараб. в руб.
Таштагол	291	194
Шалым	273	194
Шерегеш	253	194
Каз	239	193
Темир-Тау	177	192

Таблица не нуждается в особых комментариях, показатели говорят сами за себя. Я только хочу поделиться с читателем тем чувством недоумения, какое испытал тогда, на руднике, при виде этой таблицы. В самом деле, даже от «второго призера» лидер оторвался по выработке на 18 тонн, к концу таблицы этот разрыв достигает прямо-таки астрономической цифры — 114 тонн (114 тонн на «душу»), а размеры среднего заработка колеблются в пределах 2 (!) рублей.

Чувство недоумения и еще неловкость испытал я тогда, неловкость перед моими собеседниками, словно и моя доля вины была в этой несуразице. И подумал о приказе министерства по поводу таштагольского опыта, о приказе, который пока что выполняется по формуле: скоро сказка сказывается... Наверное, неплохо бы работникам министерства вспомнить об одном из рычагов экономической реформы — а именно о материальном стимулировании!

И все же новая технология начала свое шествие

по стране. Пусть не во всем пока своем объеме, пусть в виде отдельных элементов, на отдельных, специально выделенных участках — но начала.

Раньше всего, конечно, на рудниках Горной Шории, особенно на шерегешском руднике, где директором один из наиболее активных соавторов Дубынина Виктор Демидович Шапошников. Именно здесь, в Шерегеше, как я знал, со дня на день должен был начаться точно такой же пробный «заход», какой проводили в Таштаголе в апреле 1971 года. Так же, как там, решено на месяц консервировать всю шахту, оставив в работе лишь один блок. Если шерегешский «апрель» оправдает надежды, здешняя шахта полностью перейдет на «дубынинское довольствие», как шутят горняки.

Громадский показал мне письмо, которое пришло из Кривого Рога — от главного инженера треста «Ленин-руда». В письме рассказывается, какую работу проделала в Криворожье группа таштагольских горняков, приезжавшая для передачи своего опыта. И в заключение — такие строчки:

«Полученный опыт будет способствовать дальнейшему техническому прогрессу на шахтах нашего треста. Спасибо вам, сибиряки, от украинских горняков!»

Спасибо сибирякам — ученым и шахтерам — скажут со временем все горняки страны. Теперь уже со всей определенностью можно заявить, что «восстание» было поднято не с бухты-баракты, в распоряжении «восставших» самое современное вооружение, у них прочные тылы. Можно не сомневаться, победа будет за ними.

Таштагольский опыт подтвердил, помимо всего остального, то важнейшее обстоятельство, что отныне подземный способ становится дешевле наземного, а это влечет за собой весьма важные последствия. Существует в горнорудном производстве такой термин — забалансо-

вые руды. Что это означает? В ту пору, когда началось широкое распространение карьерного способа, Всесоюзная комиссия по запасам полезных ископаемых при Совете Министров СССР «спустила» геологам установку: считать выгодными для промышленного использования те месторождения твердых полезных ископаемых, которые расположены в земной толще до глубины 500 метров, они могут разрабатываться открытым способом, их следует включать в баланс. Все, что ниже этой отметки, уже требует шахт, а шахты — это дорого, на данном этапе развития горнорудного производства невыгодно, следовательно, такие руды нужно относить ЗА баланс.

В графу забалансовых полезных ископаемых попало много богатств, которые очень нужны стране сегодня, сейчас, и дубынинская технология позволит взять их под землей с меньшими затратами, чем берут экскаваторы из полукилометровых каньонов.

Впрочем, дубынинцы не призывают к полной ликвидации карьеров — там, где руда или уголь лежат у поверхности, их, конечно, выгодно брать с земли. Но отныне предел глубины таких карьеров экономически целесообразно (не говоря уже о сохранении природы) ограничить 200 метрами.

...Был уже поздний вечер, когда мы покинули рудоуправление. Хозяева пошли проводить меня до гостиницы. Улица петляла по берегу Кондомы. С нашей стороны берег был хотя и гористым, но топорщился не так уж сильно, зато по ту сторону вздымался к небу крутобокой сопкой. Сопка гирляндилась множеством огней — они расположились как бы в три этажа: в самом низу, несколькими уступами — оконные блики жилых кварталов, в самом верху, на гребне сопки — светящийся треножник телевизионной вышки, а в широком темном разрыве между ними — фонари шахтного копра.

Там, на верхней его площадке, в желтом свете фонарей, я увидел мелькающие спицы громадных колес, ночь была не в силах их усыпить. Захарюта тоже посмотрел на площадку копра, сказал с улыбкой:

— А все-таки они вертятся!..

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Я изловил Дубынина в коридоре института — он спешил к выходу, размахивая портфелем в такт семимильным своим шагам. Профессор посмотрел на меня отсутствующим взглядом.

— Считайте, что меня в Новосибирске уже нет, — помахал перед моим лицом голубой индальгенцией авиабилета. — Я уже в Якутии, в Мирном.

— В Мирном? Но там же алмазы, а вы...

— Для меня не существует алмазов, топазов или еще там чего, я знаю, что там добываются полезные ИСКОПАЕМЫЕ, а это как раз моя специальность. Добывают их открытым способом, но... но вы представляете, какая там зима?..

В Мирном созывалось совещание специалистов, совещание, на повестку дня которого выносился единственный вопрос: возможности перехода с открытой разработки алмазоносных трубок на подземную. И в качестве основного докладчика на этом совещании предстояло выступить Дубынину.

Он показал мне начало своего доклада — первый абзац:

«В наше время принято считать, что открытый способ добычи полезных ископаемых наиболее рентабельный, наиболее прогрессивный. Позволю себе не согласиться с этой общепринятой точкой зрения...»

СОДЕРЖАНИЕ

Лунный пейзаж на земле	3
Метод ПС	13
Первоапрельский «розыгрыш»	19
А все-таки они вертятся!..	53
Вместо послесловия	63

Геннадий Никитович Падерин ТАШТАГОЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

Редактор Ф. Л. Цыпкина
Художник Ю. И. Батов
Художественный редактор В. Я. Мирошниченко
Технический редактор Л. М. Беседина
Корректор Л. В. Конкина

Сдано в набор 8/V-74 г. Подп. к печ. 17/IX-74 г.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2,0.
Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 2,77. Изд. инд.
ХД-447. А05768. Тираж 50 000 экз. Цена 9 коп.
Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия»,
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, г. Электросталь Московской
области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ № 2221.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Во втором полугодии 1974 года в библиотеке
«Писатель и время» вышли книги:

Винниченко И. Жаркие две недели.
Горчаков М. Цена каждого шага.
Липатов В. Издалека долго...
Михалков С., Бондарев Ю. Литература — народу.
Сахнин А. Побег за границу.
Стреляный А. Алейский инцидент.
Субботин В. Повесть о Петре Чеканове.
Уварова Л. Семейное сходство.
Юхма М. Чебоксарский богатырь.
Черниченко Ю. Уравнение с известными.
Шуртаков С. Слово о хлебе.

Над книгами библиотеки «Писатель и время» работают писатели:
А. Авдеенко, Г. Айдинов, С. Болдырев, Р. Валеев, Н. Вирта,
О. Волков, Ю. Галкин, Н. Грибачев, В. Гринер, Ю. Жуков,
И. Ирошникова, А. Иващенко, В. Коновалов, Л. Кокин, Б. Костю-
ковский, А. Кривицкий, Е. Лопатина, Г. Марков, А. Медников,
Б. Можаяев, И. Минутко, Н. Михайловский, Ю. Помпеев, А. Про-
ханов, Ф. Певнев, Е. Рябчиков, В. Росляков, Б. Рябинин, С. Смир-
нов, Г. Солодников, В. Стрыгин, Л. Татьяначева, В. Успенский,
М. Хонинов и другие.

Приобретайте книги в магазинах Книготорга и потребительской
кооперации, в киосках Союзпечати.